

И. М. МАЙСКИЙ

Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг.

<Фрагменты>

Первые недели германо-советской войны

На двенадцатый день после нападения Германии на СССР, 3 июля. И. В. Сталин впервые выступил по радио. Я слушал его с затаенным дыханием и старался найти в его словах надежду на решительный перелом в военных событиях — и притом в самом ближайшем будущем.

«Гитлеровским войскам, — говорил Сталин, — удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь». Сталин призывал «в занятых врагом районах создавать партизанские отряды» и уничтожать «все ценное имущество». Далее он прямо заявлял: «Дело идет о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР».

Прошла неделя после выступления Сталина, прошла другая, бои шли на всем протяжении от Балтийского до Черного моря, немцы несли большие потери, в отдельных пунктах и районах наши воины надолго задерживали германских захватчиков, но все-таки в общем и целом Красная Армия продолжала отступать, и все новые сотни тысяч квадратных километров попадали под иго гитлеровских бандитов.

С начала июля стала возобновляться дипломатическая деятельность между СССР и Англией. В Москве был поставлен вопрос об оформлении новых отношений между обеими странами. О том же, по указанию из НКВД, я беседовал с Иденом в Лондоне. Черчилль был несколько обижен тем, что Сталин никак не от-

кликнулся на его речь по радио 22 июня, но решил все-таки сделать первый шаг для установления более дружественных отношений с главой Советского государства. 7 июля он направил Сталину письмо <...>.

<...>

<...> Враги Англии с помощью подводных лодок и самолетов топили ежемесячно около 200 тыс. т обслуживающего ее нужды флота. Значительно улучшилось положение Англии в воздушной войне: после 22 июня 1941 г. массированные налеты германской авиации на британские города прекратились более чем на два года. Они возобновились — и форме снарядов «фау» — лишь в 1944 г., но тогда меня уже не было в Лондоне*.

7 декабря 1941 г Япония предательски напала на Перл-Харбор в Тихом океане. Это сразу вовлекло в водоворот войны две новые великие державы — Японию и США, — что имело неисчислимы военные, политические и экономические последствия. Они, однако, начали сказываться только в 1942 г., а полностью обнаружались еще позднее.

Такова была обстановка, когда начались те политические и дипломатические события, к описанию которых я сейчас перейду.

* * *

Я уже рассказывал, что Рузвельт и Черчилль на Атлантической конференции решили устроить в Москве совещание представителей трех держав для обсуждения вопросов, связанных с военным снабжением Советского Союза. Первоначально ни американцы, ни англичане не проявляли тут особой энергии, и была опасность, что реализация принятого решения затянется надолго. Только наш демарш 4 сентября в Лондоне внес элемент срочности в это начинание, и в результате к 17 сентября в Лондон прибыла миссия, возглавляемая Авереллом Гарриманом, которая должна была представлять США на предстоящем совещании трех держав. Британское правительство со своей стороны также назначило миссию, возглавляемую министром снабжения лордом Бивербруком. Оба эти назначения мне представлялись очень удачными. 22 сентября миссии отплыли на английском крейсере «Лондон» из Скапа-Флоу в Архан-

---

* С конца 1943 г. я работал в Москве в качестве замнаркома по иностранным делам.

гельск и 28 сентября прибыли в Москву. Гарриман и Бивербрук были два раза приняты Сталиным, при этом присутствовали Молотов и Литвинов. Затем в течение трех дней шла работа совещания трех (Гарримана, Бивербрука и Молотова), которое выработало и приняло «Протокол № 1» сроком на девять месяцев (с 1 октября 1941 г. по 1 июля 1942 г.). В этом «Протоколе» было детально перечислено, что и в каких количествах на базе ленд-лиза США и Англия обязуются доставить СССР. Предусматривалось, что в течение первой половины 1942 г. совещание трех будет возобновлено и на нем будет принят аналогичный «Протокол № 2», определяющий размеры снабжения СССР на год вперед, вплоть до 1 июля 1943 г. Черчилль в послании Сталину от 6 октября обещал, что транспортировка снабжения, установленная «Протоколом № 1», будет производиться непрерывной цепью конвоев, т. е. караванов торговых судов под охраной военных кораблей, с промежутком в десять дней между двумя конвоями.

Черчилль в своих военных мемуарах жалуется, что «прием, оказанный обеим миссиям в Москве, был холодный и происходившие дискуссии носили малодружественный характер... Советские генералы и официальные лица не давали своим американским и английским коллегам никакой информации. Они не объяснили им даже, на чем основаны расчеты русских о необходимых им военных материалах, имевших тогда столь большую ценность. Миссиям не было оказано надлежащего гостеприимства почти до самого конца. Только в самый последний вечер их пребывания в Москве они были приглашены на обед в Кремле»*.

Мне кажется, что Черчилль здесь несколько сгущает краски. Я сам не был в Москве во время совещания трех и потому не могу дать оценку жалобам Черчилля на основании собственных впечатлений. Однако должен констатировать, что ни Бивербрук, ни Гарриман никогда даже намеком не выражали мне какого-либо недовольствия по поводу московского приема. Не надо также забывать, что совещание трех происходило в тот момент, когда немцы были на подступах к Москве. Сдержанность советских официальных лиц в снабжении англичан и американцев информацией вполне понятна: до этого они мало сделали для завоевания нашего доверия.

---

* W. Churchill. The Second World War, vol. III, p. 415.

Как бы то ни было, но успех московского совещания трех был крупным шагом вперед на пути к сближению СССР с США и Англией, и я прекрасно понимал это. Теперь все внимание необходимо было обратить на скорейшее практическое осуществление решений этого совещания, что в Лондоне зависело главным образом от двух человек — Черчилля и Бивербрука. К счастью, у меня с ними были хорошие личные отношения еще с предвоенных лет, и я максимально использовал данное обстоятельство в интересах СССР.

Казалось, отношения между тремя странами — СССР, США и Англией — вступили на путь постепенного крепнущего улучшения, что в тяжелой обстановке тех дней имело для нас исключительно важное значение, и вдруг...

* * *

7 ноября 1941 г. Черчилль направил Сталину послание, которое начиналось словами:

«Чтобы внести в дела ясность и составить планы на будущее, я готов командировать генерала Уэйвелла, главнокомандующего в Индии, Персии и Ираке, для встречи с Вами в Москве, Куйбышеве, Тифлисе или в любом другом месте, где Вы будете находиться. Кроме того, генерал Пэйджет, наш новый главнокомандующий, назначенный на Дальний Восток, прибудет вместе с генералом Уэйвеллом... Они могут прибыть к Вам приблизительно через две недели. Хотите ли Вы встретиться с ними?»

Далее в послании сообщалось, что, в дополнение к поставкам договоренного снабжения через Архангельск, начинается его транспортировка также через Иран и что англичане и американцы напрягают и будут напрягать до предела свои усилия в целях помощи СССР. Затем, в несколько завуалированной форме, следовали жалобы. «Прошу Вас обеспечить, — писал Черчилль, — чтобы наши техники, следующие с танками и самолетами, имели бы полную возможность передать это вооружение Вашим людям при наилучших условиях. В настоящее время наша миссия в Куйбышеве оторвана от этих дел. Она хочет лишь помочь. Мы отправляем это вооружение с риском для себя, и мы весьма желали бы, чтобы оно использовалось самым, лучшим образом... Я не в состоянии сообщить Вам о наших ближайших военных планах более того, что Вы в состоянии сообщить мне о Ваших, но прошу Вас быть уверенным, что мы не будем бездействовать».

В послании Черчилля был затронут еще один пункт, которому в дальнейшем было суждено играть немалую роль в отношениях СССР с Англией и США. Финляндия, Румыния и Венгрия, как союзницы Германии, вели войну против СССР, а Англия и США продолжали сохранять с ними нормальные дипломатические связи. Если поведение США еще можно было понять, поскольку они формально не принимали участия в войне против Германии, то от Англии мы вправе были ожидать, чтобы она, как наш союзник, объявила названным странам войну. И мы требовали этого. Но Англия под разными предложениями уклонялась от такого шага. В послании 7 ноября Черчилль излагал Сталину мотивы, по которым британское правительство медлит с выполнением своего союзнического долга. Обращение Черчилля пришло в Москву, когда в нескольких десятках километров от нее еще шли тяжелые бои с немцами. Германские войска уже не могли прорвать оборону столицы, но и Красная Армия еще не могла отбросить их назад. Настроение в Москве было крайне напряженное и тревожное. Отсутствие второго фронта на Западе чувствовалось с особой остротой. Перед ноябрьским праздником в ЦК и правительстве всерьез ставился вопрос: устраивать или не устраивать в создавшейся обстановке парад войск на Красной площади в день 7 ноября? В конце концов было решено устраивать. И парад состоялся под угрозой, что в любой момент на него может обрушиться смертоносный град с немецких бомбардировщиков. Хорошо помню, какой вдохновляющий эффект этот парад произвел на всех советских людей в Лондоне.

Незадолго до ноябрьской годовщины произошла одна неприятная история, вызвавшая сильное раздражение в Москве. Переговоры об объявлении Англией войны Финляндии, Венгрии и Румынии велись в секретно-дипломатическом порядке. Черчилль по этому поводу советовался, конечно, с Рузвельтом. И вот вдруг со стороны Америки сведения о переговорах просочились в печать!

Все указанные обстоятельства надо иметь в виду при чтении ответа И. В. Сталина на цитированное выше послание британского премьера. Ответ Сталина помечен 8 ноября. Это значит, что глава Советского правительства отправил его сразу же после получения послания Черчилля, под непосредственным впечатлением только что прочитанных строк.

«Я согласен с Вами, — писал Сталин, — что нужно внести ясность, которой сейчас не существует во взаимоотношениях между СССР и Великобританией. Эта неясность есть следствие двух обстоятельств: первое — не существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и о планах организации дела мира после войны; и второе — не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Пока не будет договоренности по этим двум главным вопросам, не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но, если говорить откровенно, не будет обеспечено и взаимное доверие... Если генерал Уэйвелл и генерал Пэйджет, о которых говорится в Вашем послании, приедут в Москву для заключения соглашений по указанным основным вопросам, то, разумеется, я готов с ними встретиться и рассмотреть эти вопросы. Если же миссия названных генералов ограничивается делом информации и рассмотрения второстепенных вопросов, то я не вижу необходимости отрывать генералов от их дел и сам не смогу выделить время для таких бесед».

Во второй части послания Сталин дал волю своему негодованию по поводу разглашения в печати сведений о переговорах касательно объявления Англией войны Финляндии, Венгрии и Румынии.

На другой день я отправился к Черчиллю с посланием главы Советского правительства. Предвидя возможность острой реакции со стороны премьера, я просил Идена присутствовать при нашем разговоре. Черчилль принял меня в здании парламента.

Вынув послание из конверта, он стал его читать. Лицо премьера сразу покраснело, потом левая рука начала взволнованно сжиматься и разжиматься. Когда Черчилль дошел до места, где Сталин говорил о том, на каких условиях он готов принять Уэйвелла и Пэйджета, премьер точно взорвался. Он вскочил с кресла и в состоянии крайнего возбуждения стал бегать по кабинету из угла в угол.

<...>

На другой день Бивербрук просил меня срочно заехать к нему. Он усадил меня в кресло в своем кабинете, сам сел напротив в другое кресло и в дружески-доверительном тоне начал:

— Произошла неприятность... Между Уинстоном и дядей Джо (т. е. Сталиным. — *И. М.*) вышла размолвка... Это никуда не годится... Надо их помирить...

Затем Бивербрук стал говорить, что сейчас самое важное оттянуть, насколько возможно, посылку Черчиллем ответа на последнее послание Сталина. Сейчас Черчилль пылает огнем и страстью. В таком состоянии он может легко наговорить Сталину таких вещей, которые только ухудшат положение. Пусть Черчилль лучше помолчит, отойдет, успокоится. Он, Бивербрук, вместе с Иденом, берутся этого добиться. Но важно, чтобы в ближайшее время и с советской стороны не было никаких действий, которые могли бы вновь распалить премьера, и Бивербрук просил меня оказать содействие в этом отношении.

Я был согласен с планом Бивербрука и обещал ему свою помощь, хотя, откровенно говоря, в тот момент плохо представлял, в чем она может выразиться.

<...>

